

Джек Гельб

Сбород

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г32

Художественное оформление *Александра Андреева*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© karlovserg / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении авантюры использована иллюстрация:

© rudall30 / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на переплете и форзацах — rips

Г32 **Гельб, Джек**
Сброд / Джек Гельб. — Москва : Эксмо, 2024. — 336 с.
ISBN 978-5-04-206863-8

Добро пожаловать, дамы и господа! Скорее занимайте места, вы же не хотите пропустить прощальное представление Чёртового Круга? Последний шанс увидеть чертей и тварей на сцене! Встречайте Саломею, Кормильца, Пророка Матвея, Воронца, Клоуна и многих других!

Заккрытие Чёртового Круга пророчили ещё при царе Горохе, но в этот раз всё по-настоящему. Теперь раны тварей не затягиваются, как прежде, силы убывают. Неужели Настоящий Зверь в самом деле явится, чтобы разорвать Чёртов Круг?

Представление начинается!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Джек Гельб, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

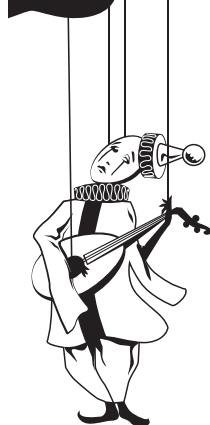
ISBN 978-5-04-206863-8

Сброд — сущ.

Устар. группа случайно собравшихся людей.

Устар. случайное и беспорядочное соединение, сочетание чего-либо.

Собир. перен., презр. преступные, морально опустившиеся, антиобщественные элементы.



ГЛАВА 1 ПОДСОЛНУХИ

В горячем воздухе дрожал след холодных чернил. Они самые стойкие. Солнце уже выжгло все, кроме бледно-голубого следа. От целой гармонии четырех основных красок на пыльном баннере остались только голубые тени. Угадывалась реклама строительных материалов. Баннер давно надо снять, но что вешать взамен? Пусть висит себе, есть же не просит. Что-то лучше, чем ничего.

Сонные глаза только-только привыкали к свету. Первое, за что они уцепились, — выцветший баннер. Аня не спешила вставать, хоть тело и затекло. Босые ноги уперлись в стекло окна машины. За ним плыло высокое-высокое небо, далекое, как мечта, светлое, как смех до слез.

Сев в машине и тихо поскулив, Аня размяла шею. Мама за рулем бросила взгляд-искорку в зеркало заднего вида. Черные раскосые глаза сразу оживили белое, широкое, бледное лицо с большими скулами. Вороная тяжелая коса лежала на плече, тянулась до самого пояса. Аня перебралась вперед и стала смотреть на далекие лужи-миражи, которые исчезали каждый раз, стоило лишь к ним подъехать.

Дорога тянулась с ее полуденными призраками, и из-за горизонта показалась заправка. Мама свернула, заглушила мотор, стала искать кошелек. В бардачке лежали документы на имя Рады Черных, бумажная карта, заляпанная сладким сиропом, пакет семечек вперемешку с шелухой. Пришлось еще немного повозиться, чтобы найти кошелек, завалившийся под водительское кресло. Проверив наличку, Рада вышла из машины. Порывы дрожащего горячего воздуха обращали длинную юбку черным пламенем. Мама сутулилась, и на округлой белой спине выступали бугорки. Резкое солнце подчеркивало каждую выпирающую косточку, особенно когда женщина нагнулась за пистолетом, чтобы заправиться. Аня сидела и наблюдала. Из белой двери вышел мужик с оступевшими рыбьими глазами. Он что-то хлюпал толстыми губами. Его затылок, покрытый складками жира, блестел от пота. Рада односложно ответила, расплатилась, села за руль. Толстяк не уходил, стоя прямо напротив маминой «Волги». Толстые губы сплюнули остаток соленого остроумия, и только тогда местный хозяин пошел обратно в свою белую будку с грязным стеклом.

— Голодная? — спросила Рада, заводя машину.

— Нет. Дашь десять рублей? — спросила Аня и кивнула на туалет.

— На.

* * *

До дома оставалось минут двадцать. Полчаса, если сбавить скорость. Мимо проносились поля. Пустые чередовались с пышными рядами подсолнухов, пшеницы.

— Почему ты не поела? — спросила мама.

— Я же сказала, — ответила Аня, продолжая вытирать кровь с рук влажными салфетками. — Я не голодная.

Рада улыбнулась.

— Мы всегда голодные, — ответила она.

— Не настолько, чтобы жрать такое, — поморщилась Аня.

* * *

Рада взяла желтый одуванчик, разъединила стебель на три тоненькие полоски, надела сердцевинкой на тонкий прутик.

— Прямые? — спросила мама. — Или пусть вьются?

— Вьются! — ответила Аня.

Рот девочки был набит конфетами. Пять минут назад она вернулась из деревенского магазина и набрала конфет с самыми красивыми фантиками, какие только можно найти в здесь, в Воронцовке. Рада опустила стебелек, разделенный на «пряди», в лужу, и у самодельной куколки тут же появились кудряшки. Аня стала обматывать прутик фантиками как учила мама: чем пышнее, тем лучше.

В этом саду строился целый мир: с королевой, придворными, с проклятыми ущельями, священным деревом — Аня очень любила огромное дерево орешника, самое крепкое во всем саду. Можно устроить дождь в любое время. Аня брала лейку, шланг, залезала повыше, даже выше какого-то провода (который вроде как нельзя трогать, но сколько ни трогай, ничего страшного не случилось). От спиленного толстого сучка остался отличный крючок, на который так удобно вешать лейку. Оставалось только спуститься вниз, открыть скрипучий кран, присоединить старый шланг. На пыльной резине появились трещины, как морщины. Какое-то время Аня думала, что шланг живой.

На участке был погребок. Снаружи он выглядел неприметно — побеленный домишко, как будто ему так и не хва-

тило сил вырваться из-под земли. Домик-гриб, большая часть которого была скрыта там, под землей. Рада испугала дочь, пока та осторожно ступала по старой лестнице вниз. В тихом полумраке покоились бутылки смородинового вина. Когда Аня впервые попробовала, она почувствовала резкий вкус кислоты.

— Может, потом распробуешь, — пожала плечами Рада. Мама отпила пару глотков, с полнотой чувств просмаковала.

* * *

Море беспокойное, купаться не хотелось. Если еще зайти в воду — нормально, но как высунешься, ветер окатит так, что вмиг пойдет гусиная кожа. Чтобы не мерзнуть от сильного (пускай и теплого) ветра, Аня вообще в воду не заходила, а значит, ни полотенце, ни сменной одежды не брала. Зато взяла бидон из-под молока с подсолнухами. Девочка собирала такой большой букет, какой только могла, а когда горлышко не вмещало больше ни одного цветка, Аня посыпала букет сверху желтыми лепестками.

— Так они еще более солнечные! — говорила она, забирала бидон.

Ясное дело, лепестки слетали по дороге. Аня ставила цветы, заставляла камнями, чтобы ни ветер, ни прибой не свалил. Каждый раз их встречала еще с улицы полоска желтых лепестков.

— Да, мы идем правильно! — радостно заверяла маму девочка, когда это, впрочем, и без того было очевидно.

Проходил день, два, иногда неделя. Аня приходила проверить свой бидон. Подсолнухи стояли грустные и поникшие. Иногда и вовсе ни сухих стеблей, ни даже самого бидона.

Аня все равно приносила цветы. Однажды лепестками выложила странный узор. Мама брела по берегу и прислушивалась к морю, чайкам, ветру.

— Что это? — спросила Рада, с любопытством разглядывая выложенный неровный пунктир.

— Это азбука морзе.

Это не была азбука морзе, Аня ее не знала. Рада улыбнулась, погладила дочь по голове, и они продолжили гулять вдоль моря.

* * *

До магазина идти минут двадцать. Аня любила ходить за покупками. Пыльная каменистая дорожка тянулась вдоль пустыря, где на углу обычно паслись две козы. Абрикосовое дерево цвело ни для кого. Потом эти ничейные плоды падали на ничейную землю. Козы не ели абрикосов.

День выдался особенно жарким, и Аня взяла себе мороженое. Через несколько минут все руки уже были в липком эскимо. Вторую половину пути Аня заметно ускорила шаг и шустренько добралась до калитки. Дверь была открыта. Затворив за собой, Аня кинула пакет в прихожую домика и побежала мыть руки.

У крана сгорбилась Рада, отмывая подол черной юбки. Из выжатой ткани хлынула вода с кровью.

— Черный Пес? Это был Черный Пес? — спросила Аня, подбегая к воде и отмывая руки.

— Нет, милая. — Рада набрала в ладонь воды, вылила себе за шиворот, растерла шею и отошла в сторону. — Будь это Черный Пес, ты бы увидела издалека фейерверк.

Тень орешника пятнышками скользила по бледной коже, смоляным волосам.

— Сейчас же день. — Аня прищурилась, глядя прямо на солнце до боли в глазах.

— Все равно увидела бы, — усмехнулась Рада. — Нет, это был какой-то упырь из Чертова Круга. Как обычно, хотят, чтобы мы вернулись. Думают, мы тут без них голодаем.

Аня отвела взгляд. Красные пятна забегали прямо перед носом, куда ни посмотри. Аня потеряла глаза.

— Понятно, — тихо добавила она.

Рада поджала губы и вздохнула. Подойдя к дочери, мать опустила на корточки.

— Прости. — Рада заглянула в глаза. — Прости, что ты здесь скучаешь. Здесь ни днем, ни ночью не бывает фейерверков, вместо диких зверей — несчастный плешивый тигр в ростовском зоопарке. Мне жаль, что здесь так тихо и поют разве что цикады по ночам да морской прибой иногда доносится или заладит горлица. Но поверь, солнышко мое, тут лучше, лучше расти здесь, чем среди тех тварей.

— Но я уже выросла, — осторожно, но четко произнесла Аня.

Рада печально улыбнулась, кивнула.

— Я знаю, — ответила она и поцеловала дочь в лоб.

* * *

Вечером накрыли пышное застолье. Такое всегда бывало после незваных гостей. Аня завязала глаза шарфом. Впрочем, она все равно бы не подглядывала. Скорее, Ане просто нравилась и эта часть игры. Более того, мама сохранила много платков и шарфов еще из Чертова Круга. Ане нравилось разглядывать узоры, трогать ткань, смотреть, как она летает. Рада показывала, как от одного взмаха парео ткань

превращается на миг в птицу. Зачарованные ткани погружали в черноту, в которой лучше раскроются новые ароматы. Аня всецело отдавалась окутывающему уютному мраку, гадая, что же будет на этот раз. Она вдыхала аромат, закрыв платком глаза. Ноздри щекотал цитрусовый аромат.

— Лайм? — спросила Аня.

— Верно, — ответила Рада.

Пряность, горечь, цветы, свежесть моря, дымность проплывали один за другим, как караван откуда-то издалека, оттуда, где восходит солнце. Сегодня Аня наконец-то распробовала смородиновое вино. Окутанная ветрами со всего мира, с цветущих полей, знойной степи, душного алжирского базара, Аня уснула крепко-крепко.

Спала так долго и без кошмаров в гамаке с мамой. Когда глаза закрылись, была тихая ночь, как открылись — грибной дождь. Он барабанил по листьям винограда, стекал струйками. Редкая капля все же проскальзывала и к ним в гамак. Аня прижалась к маме, слушая ровное биение сердца.

* * *

Джинсы были велики — Аня наступала старыми черными вьетнамками на пыльный край. На узкой талии ремень держал джинсы, собранные складками. Желтый топ оставлял открытым живот, через который виднелся давно заживший шрам. Мама смотрела именно на него.

— Ань. — Рада отложила сумочку на тонкой золотой цепочке.

Дочка послушно села рядом с мамой и внимательно смотрела в глаза. Рада глубоко вздохнула, убрала прядь за ухо Ани, взяла ее за руку.

— Про Чертов Круг, — наконец произнесла мать.

Аня кивнула, готовая слушать.

— Ты действительно уже выросла, — признала Рада со светлой грустью в голосе. — Просто хочу, чтобы ты знала. Чертов Круг сожрет все. Он сожрал мою жизнь, мою любовь. У меня осталась только ты, солнышко. И то лишь потому, что я вовремя вырвала нас оттуда и сбежала. Захочешь — приходи в Чертов Круг. Захочешь остаться — хорошо. Но ноги моей там не будет. Проклятое место. Там нет ничего, кроме голодного сброда.

— Мне очень жаль! — Аня крепко обняла мать.

До города они ехали в тишине. Засыпающие поля безмолвно проносились за окном.

В Ейске уже загорелись огни. На входе в Парк Поддубного Рада остановилась, прищурила черные глаза, всматриваясь в одну из десятка афиш. Аня шла впереди и, обернувшись, увидела мать, но доска объявлений стояла к ней обратной стороной. Аня смогла лишь прочитать по губам два слова: «Адам» и «осень». Рада сорвала афишу, сложила, затолкала к себе в сумочку.

Так Аня стала ждать осени, не представляя, что их всех ждет.

* * *

Есть что-то обреченное в затихших местах. Не тех, которые были молчаливы и хмуры изначально, а тех, что запомнились шумными и по-праздничному суматошными. Аня помнит: когда впервые сошла с поезда, наступила на раскаленный кирпич перрона. Она слышала крик птиц еще в дороге и тут же припала к окну. Здоровые пернатые ублюдки

жадно сбивались в кучу, клюя наперебой жирный чебурек, глотая вместе с тем и промасленную бумагу. Сумеют ли они охотиться в дикой природе или уже безнадежно откормлены подачками? Крылья вздрагивали, поднимались и опускались с громким хлопанием, пока клювы орали и жрали, клевались и рвали. Люди выходили из поезда, вываливая на перрон привезенные вещи и шум. Как много шума, который присущ всему живому. Зачем им столько? Неужели боятся приехать в другой город и не найти там криков, ругани, беготни, бьющегося звона, гулко-го эха, лязга, скрипа, храпа, рыка, клацанья, воя? Этого-то добра везде навалом. Но сила привычки — видно, хотят шуметь, как привыкли. Пока что таможня не проверяет шум, и можно везти сколько угодно и самого разного.

Аня стояла, грызла семечки и слушала, как вдалеке плещется море. Ночной перрон притих. Птиц мало, а те, что были, держались поодаль. Как будто пернатые понимали, что нечего клянчить: Аня не собиралась никого кормить. Пусть сами ищут рачков среди мусора на пляже. На побережье всегда много тварей, чтобы поживиться.

О чем шепчутся черные волны? Не о звездах — в эту ночь их не видно, как и луны. О грязном глиняном дне и говорить нечего, как и о побережье. Бычки, жестяные банки, песок, камни и падаль. К летнему сезону может, и расчистят, но и замусорят больше. По мертвым рыбам ползает всякая членистоногая нечисть. Эти твари и летом никуда не денутся.

Зимний воздух делал лето каким-то несбыточно далеким. Аня стояла далеко от края, но холодный блеск рельс манил. Сначала показалось, что где-то заело жестяную дверь. Аня обернулась на полотна дверей. Металл был весь в кроваво-ржавых укусах морских ветров. Нет, это не скрип. Подняв